

**КУЛИНАРНЫЕ ОБРАЗЫ В ДИСКУРСЕ И СЛОВАРЕ
(на материале образной парадигмы «блин»)**

Е. А. Юрина

**CULINARY IMAGES IN DISCOURSE AND DICTIONARY
(as revealed by the figurative paradigm of «*blin*» («pancake»))**

E. A. Yurina

В статье представлены методика и результаты анализа базовой для русского языка когнитивной метафоры «Нечто как блин», репрезентированной в дискурсе метафорическими словоупотреблениями, образными словами и идиомами с компонентом «блин». Рассматриваются возможности использования текстовой базы и поисковой системы Национального корпуса русского языка для исследования образных лексических и фразеологических единиц, реализующих кулинарную метафору. Разрабатывается модель словарной статьи, описывающей образное сравнение.

The article describes the methods and results of analysing the cognitive metaphor “Something like a *Blin* (Pancake)”, which is basic for the Russian language and is represented by metaphorical units, figurative words and idioms with the component “*Blin* (Pancake)” in the discourse. The author demonstrates the possibilities of using text database and information retrieval of the Russian national corpora to research figurative lexis and phraseology, which implement culinary metaphors. The model of a dictionary entry describing a figurative comparison is developed.

Ключевые слова: кулинарная метафора, фразеология, образный строй языка, корпусная лингвистика.

Keywords: culinary metaphor, phraseology, figurative lexis, corpus linguistics.

Одной из сфер активной метафорической экспансии во многих языках мира выступает сфера кулинарии. Еда является насущной витальной потребностью человека, поэтому процессы производства и добычи продуктов питания, приготовления кулинарных блюд, ритуализированные формы приема еды и напитков занимают исключительное место в бытовой и социально-производственной сфере жизнедеятельности. Во всех мировых культурах вышеназванные процессы наполняются культурно-символическим содержанием: обретают обрядовый, ритуальный, мифологический, сакральный смысл, получают особое аксиологическое значение [1; 2, с. 128 – 138; 10, с. 427 – 429 и др.].

Ментальные образы пищевых продуктов хранятся в памяти человека в виде предельно ярких, наглядных картинок-гештальтов, а также фреймов и слотов определенного сценария приготовления и поглощения пищи, связанных с целым спектром сенсорных ощущений. Подобная сенсорная и эмоционально-психологическая нагруженность кулинарных образов, их символическая и ценностная значимость делают кулинарную метафору эффективным средством воздействия на адресата речи и обуславливают частотность её использования в современных дискурсивных практиках, что подтверждают, в частности, данные такого электронного лингвистического ресурса, как Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [9].

Носители языка осмысливают и интерпретируют многообразные явления окружающей действительности сквозь призму кулинарных образов. Кулинарная метафора (в широком когнитивистском понимании этого термина [6 – 8]) находит своё воплощение в различных образных средствах языка и речи, как общезыковых, узуальных, так и в индивидуально-авторских [4, с. 11 – 14; 5, 13 – 15]. К числу общезыковых образных средств мы относим языковые метафоры, образные слова с метафорической внутренней

формой, устойчивые образные сравнения, идиомы разной структуры, пословицы и поговорки. Речевые образные средства представлены индивидуально-авторскими тропами и фигурами речи, реализующими аналогию между различными явлениями мира и сферой кулинарии. На сегодняшний день в рамках подготовки «Словаря русской кулинарной метафоры» (Е. А. Юрина, Е. В. Капелюшник) [14, с. 70 – 78] собрано и проанализировано более 700 лексических и 650 фразеологических единиц русского языка, функционирующих в более 3000 контекстов. С целью полноты охвата лексической и фразеологической состав образных средств объединяется в мотивационно-образные парадигмы (МОП), включающие однокоренные образные слова, восходящие (непосредственно или опосредованно) к одной исходной мотивирующей лексической единице с семой ‘пища’, и образные выражения, имеющие в составе эти единицы [15, с. 93 – 101].

Например, мотивационно-образная парадигма с вершиной **БЛИН** включает языковые метафоры *блин* ‘металлический груз в форме диска на спортивной штанге’, *блин* ‘плоский и округлый пласт какого-л. вещества (снега, глины и под.)’; образные лексемы *блинчатый* ‘плоский, расплюснутый, напоминающий по форме блин’; *блинообразный* ‘плоский, округлой формы, напоминающий блин’; устойчивые образные сравнения *как блин* ‘о лице человека’; творительный сравнения *блином, блинчиком* ‘о форме головных уборов’; компаративные идиомы *сиять как блин [масленный, с маслом]* ‘выражать своим видом удовлетворение, радость (о человеке)’; *печь как блины* ‘производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности)’; идиомы *первый блин [вышел / получился / стал] комом (не комом)* ‘первый опыт деятельности был неудачным (удачным)’ во множестве речевых модификаций, усеченный вариант идиомы *первый блин* ‘пер-

вый опыт создания чего-л.’; поговорка *к тёще на блины* и восходящий к ней фразеологизм *не к тёще на блины (идти, ехать)* ‘направляться в место, пребывание в котором опасно, связано с трудностями’ и др.

Основной принцип подобной систематизации материала – единство образного снования серии номинаций, обусловленное присущими русской лингвокультуре типовыми образными представлениями, которые базируются на сформированных в культуре и сознании личности гештальтах, метафорических и метонимических моделях. Рассмотрим на примере мотивационно-образной парадигмы с вершиной **БЛИН** особенности дискурсивного функционирования данного фрагмента общезыковой образной системы, а также возможности его лексикографической презентации.

Источником материала послужили текстовые данные НКРЯ, которые дают возможность создать лингвистическую модель реализации кулинарной метафоры в образном строе русского языка, а также описать особенности дискурсивного функционирования образной лексики и фразеологии с исходной кулинарной семантикой. Так, на запрос «блин» поисковая система НКРЯ выдала 571 документ, на запрос «блин*» – 1448 документов. Первый тип запроса исключил попадание созвучных слов (например, «*блиндаж*»). Второй тип запроса позволил учесть все грамматические формы и словообразовательные дериваты: *блином, блинчик, блинный, блинообразный* и т. п. Каждый найденный документ содержал, как правило, от 1 до 3 контекстов из одного источника, но некоторые документы включали до 15 контекстов. Полученный текстовый массив далее дифференцировался исследователем вручную: разграничивались неметафорические контексты, содержащие анализируемые слова в исходных или других необразных значениях, и метафорические контексты, содержащие различные образные лексические и фразеологические единицы, связанные с представлением о кулинарном продукте по принципу аналогии. Образные контексты составили 20 % от общего числа (в абсолютном выражении – 238 контекстов), необразные – 80 %, в их числе 50 % – это контексты с междометием-эффимизмом и 30 % – контексты с исходным кулинарным значением.

Благодаря возможностям НКРЯ, был уточнён лексико-фразеологический состав языковой экспликации анализируемого образа с учетом частотности речевого употребления каждого образного слова и выражения и возможности их дискурсивной модификации. Например, обнаружилось ранее не зафиксированное в словарях образное слово *блинчатый* ‘состоящий из нависающих друг над другом складок (о толстом подбородке человека, напоминающем стопку блинов)’: «Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками красных крупных бус» (В. Дудинцев). Обнаружилось типовое для языковой системы метафорическое значение слова *блин* ‘плоский и округлый пласт какого-л. вещества (снега, глины и под.)’: «Там в полумраке дрожала вода, темная, как кофе, плавали блины зеленой плесени» (В. Дудинцев). Анализ текстового массива по-

зволяет интерпретировать образное выражение *сиять как блин [масленный, с маслом, на сковородке]* ‘выражать своим видом радость, счастье, довольство’ как устойчивый компаративный фразеологизм, поскольку компонент *сиять как блин* во многих контекстах сохраняется и не варьируется: «Уж как наш администратор... был против этой елки, а теперь вон, активной всех с малышами с горки катается, шарики всем подряд надует – того и глядишь, лопнет, и сияет, как блин на сковородке» (Е. Маркова).

Анализ метафорических контекстов выявил особенности образного ассоциирования, характерные для описываемого фрагмента образного строя русского языка, а также специфику дискурсивной реализации данной подсистемы кулинарных образов. На основе дискурсивного исследования была определена стратификация исходного кулинарного образа; уточнены сферы метафорической референции, а также лежащие в основе уподобления признаки референта и агента образной номинации. Рассмотрим подробнее каждый из указанных аспектов.

Стратификация исходного кулинарного образа может быть представлена в виде комплексной когнитивной структуры, включающей динамические сценарии «приготовление блинов» и «употребление блинов в пищу», а также входящую в оба сценария статическую гештальт-структуру «блин», включающую представления о форме, цвете, размере, температуре и некоторых других качествах блюда.

Текстовый материал свидетельствует о дискурсивной актуализации следующих фреймов исходного сценария «приготовление блинов»:

1) изготавливаются из теста – «В сельпо, к которому вела дорога, покрытая толстым слоем жидкой, как тесто для блинов, глиной, продавали слипшиеся конфеты «подушечки»... (В. Рубин);

2) тесто льётся на сковороду – «Во сне точно так же светилась тонкая рваная пена на неповоротливой воде, лившейся, как блин на сковородку, на бесконечный пологий песок...» (О. Славникова);

3) жарятся на сковороде – «Напечет тебе лысину. – Ничего, лысина не блин, не зажарится...» (Н. Дубов);

4) прилипают к недостаточно разогретой сковородке – «Оранжевый блин солнца намертво прикипал к эмалевой сковородке неба...» (Н. Дубов);

5) переворачиваются для жарки второй стороны – «Павел Алексеевич выпростал её из пелёнок, ... перевернул на животик тем ловким движением, которыми женщины перекидывают блины на сковородке» (Л. Улицкая);

6) снимаются со сковороды – «Верхний слой реки, согретой слабым солнцем осени, остудило, сняло, как блин...» (В. Астафьев);

7) пекутся в большом количестве – «В институте докторов и академиков навалом, они там науку вверх дном переворачивают, открытия, как блины, пекут, зарубежные ученые плачут от зависти» (А. Гладилин);

8) складываются в стопку – «То и дело Марина принимала за Климова подходящих по росту подвижных мужчин – раз это оказался пожилым татарин с

жирной обритой башкой, похожей на горку блинов...» (О. Славникова);

9) намазываются маслом – «*Кто здесь ходит, кто живёт и почему на пустой дудке висит вон насквозь промасленный, как блин, серый брезентовый картуз? Кто его сюда повесил? Зачем? Когда?*» (Ю. Домбровский).

Фреймы исходного сценария «употребление блинов в пищу»:

1) едят со сметаной – «*Солнце, зевая, высунулось из-за черных, пахнувших прелью и мышами стогов и, барахтаясь, застряло в вязком тумане, купаясь в нем, как ржаной блин в жидкой сметане*» (В. Скрипкин);

2) оставляют жирный блеск на руках, лице – «*Личико, умильно улыбающееся, кругленькое, лоснящееся, как блин с маслом, белесенькие брови, малиновенькая лысинка, отороченная по бокам тем же пушком*» (Е. Евтушенко);

3) едят на Масленицу – «*...Лицо Б. Е. Троша расплылось, как масленичный блин, и все мы принялись неудержимо (в прямом смысле этого слова) хохотать*» (Е. Попов).

При дискурсивном образном воплощении в исходной гештальт-структуре «блин» актуализируются следующие представленные в текстах фасеты (границы):

1) форма: круглый – «*Он был толстенький, кругленький, и лицо у него было румяное и кругленькое, как блин*» (Н. Носов), плоский – «*Миниатюрные электронно-счетные устройства, плоские, как блин, телевизоры, крохотные, но мощные машины... – вот к чему идет нынешняя техника*» (Л. Бобров), с неровными краями – «*Смотрит художник в чужое лицо и видит блин. Блин известного блинного цвета, по краям рыжие кружева, а сверху две облупленные дыры*» (Митьки);

2) структура: плотная, но мягкая и гибкая – «*Ливень заливал, и брезент не гудел уже, палатка обмякла, стала вялой и прозрачной, не плотнее блина*» (Ю. Коваль); ровная поверхность – «*Леса чередовались с желтыми громадными полями, ровными, как блин*» (Ю. Петкевич), пористая поверхность – «*Лицо у нее было плоским как блин, с таким же, как и у блина, множеством мелких пористых рытвин, глаза точно узенькие щелки...*» (Д. Емец); маслянистая поверхность – «*И он протянул ей паспорт, больше похожий на сальный блин*» (Е. и В. Гордеевы); цвет: от бледно-желтого до коричневого – «*Лишь желтый блин луны зловеще освещает гарнизонные закоулки, мы завопили*» (В. Синицына); блестящий – «*Его румяный лоб был влажен от пота и блестел, как блин*» (И. Ильф, Е. Петров); температура: горячий «*Солнце поджигало; на голову точно горячий блин положили*» (В. Шукшин).

Посредством кулинарных образов блина, стопки блинов, блинного теста, процедур изготовления блинов именуются и характеризуются следующие концептуальные области:

1. «Человек»: самодовольный, холёный внешний вид – «*А тот... превращается в Горбачева, глянцевого, масляного, как блин с черным подгорелым пятном*» (А. Проханов), распластанная поза – «*Я просто лег на крышу, распластавшись на ней блином*»

(И. Ушаков); круглая форма, румяный или бледный цвет лица – «*На его круглой красной физиономии, напоминавшей блин, застыло вдохновенное выражение идиотической серьезности*» (Запись LiveJournal); расплывчатые черты лица – «*Машиа бы могла написать сырой блин вместо лица да два обшитых обшлага, как у сухорукого Репина, и было бы похоже*» (С. Есин); довольное, счастливое или безразличное выражение лица – «*Глядя на этот хлопаящий и моргающий блин, Аля расхохоталась*» (А. Берсенева), гладкая маслянистая или пористая структура кожи лица – «*Личико, умильно улыбающееся, кругленькое, лоснящееся, как блин с маслом...*» (Е. Евтушенко); подбородок со складками – «*Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье*» (В. Дудинцев); дряблая грудь – «*На ее продавленной койке сидела уже другая женщина, с жидкой блинообразной грудью и тугим огромным животом...*» (О. Славникова); восторженное эмоциональное состояние – «*Что-то, Люся, вы сияете, как блин с маслом?*» (В. Аксенов); память, в которой смешались воспоминания – «*Память его превратилась в огромный прокисший блин, в котором реалии и факты каторжного быта спеклись с небылицами, фантазиями, легендами и выдумками*» (Н. Мандельштам).

2. «Артефакты»: плоские или сплюснутые головные уборы: берет, кепка, фуражка, пилотка, картуз – «*На другом снимке тот же парень был один и выглядел куда симпатичнее, в солдатской блинчатой пилотке...*» (В. Белов); металлические диски – «*Вово ем отодвинув тяжелый чугунный блин, закрывавший лаз, они начали спускаться вниз*» (Д. Глуховский), «*Потом я еще узнала, что в Ольгино, при съезде с трассы через железнодорожный переезд в поселок, на днях повесили «блин» и тоже пускают жителей поселка чуть ли не по прописке*» (Е. Козырева); расплюснутые вследствие деформации предметы – «*Медведица так сдавила её, что банка превратилась в жестяной блин*» (Ю. Коваль), «*Вертолет упал, видно, в самый центр «комариной плешки», и весь фюзеляж его расплющило в жестяной блин, только хвост остался цел, его слегка изогнуло...*» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий); подушки, матрасы – «*Он... только приподнялся на локте, отхлебнул из стакана, откинулся на мятую блинчатую подушку и опять стал ждать*» (Ф. Кнорре); пласты вещества – «*Жидкий металл застывал на дне изложницы, образуя слиток-блин*» (В. Емельянов).

3. «Животное»: форма тела – «*С тех пор я всегда старался держаться подальше от этих небольших, круглых, как блин, коричневых рыб, с виду таких беспомощных и безобидных*» (Ю. Курочкин); раздавленное тело – «*Я кинулся шарить по темной земле и на ощупь нашел то, что осталось от моей лягушки – она превратилась в блин*» (А. Макаревич).

4. «Натурфакты»: небесные светила: луна – «*Над двором висит луна, как блин поджаристый*» (А. Веселый), солнце – «*Солнце, чья округлая физиономия была плоской как блин, нежилось на соседней крыше, будто лентяй и соображая, стоит ли ему восходить дальше или и так сойдет*» (Д. Емец); снежинки

– «В полёте снежинки слепливались друг с другом и падали на землю, как **узорные блины**» (Ю. Коваль).

5. «Пространство»: рельеф и характер местности: площадь – «Один из не в меру ретивых военачальников велел вырубить «мешавиую» обзору красоту, дабы **ровный, гладкий, как блин, плац** просматривался вдоль и поперек из окна его кабинета» (О. Дубова); берег – «**Тот берег как блин: ни кустов, ни укрытий**» (Б. Васильев), город – «**Город как бы сплюсцен, раскатан, как блин**» (Д. Гранин).

6. «Социальная деятельность человека»: неудачный первый опыт создания продукта производственной, организаторской или творческой деятельности – «Куда ни кинься, трудно на Руси обойтись без кувалды. **Первый блин комом. Сколько неудачников на этом и заканчивали свою карьеру**» (Ф. Чуев); очень продуктивная производственная или творческая деятельность – «Процесс изготовления идей имеет свою технологию и свои санитарные нормы, **попытка печь их как блины в условиях телестудий и газетных редакций небезобидна ни для производителей, ни для потребителей**» (А. Зорин); победа в полемике, дискуссии – «Вы, надеюсь, понимаете, **какой блин я из него сделал. Представитель из Москвы подтвердил, что ничего я сам не придумал...**» (А. Рыбаков)

7. «Абстрактные категории»: нечто тривиальное, простое, обычное – «По-вашему, это легко, **вроде как блин спечь. Ученые над ним пять лет мозговали**» (Д. Гранин).

Характеризуя типовые образные представления русской лингвокультуры, наполняющие национально окрашенными конкретно-чувственными образами базовую метафорическую модель «Нечто – Блин», отметим следующее. Ядро данной микросистемы составляют образные представления предметно-отождествляющего типа, основанные на проекции исходной гештальт-структуры «блин» в область таких сфер референции, как «Человек» и «Артефакты». Денотатами здесь выступают соответственно лицо человека (включая представления о качестве кожи лица и мимике, выражающей эмоции), предметы круглой и плоской формы, расплощенные в результате деформации предметы. Интеракция осуществляется на основании признаков формы и цвета.

Околоядерное подмножество составляют проекции исходной гештальт-структуры «блин» в область сфер «Натурфакты» (солнце, луна) и «Пространство» (рельеф местности) на основании признаков формы, цвета, качества поверхности. Кроме того, околоядерное подмножество представлено образными представлениями пропозиционального предикативно-характеризующего типа, основанными на проекции фреймов исходного сценария «приготовление блинов» в область «Социальная деятельность человека» для оценочной характеристики производственной и творческой деятельности, а также её результатов. Основанием уподобления ситуаций здесь выступают такие качественные характеристики процессов, как 'трудоемкость в достижении первого положительного результата при изготовлении продукта', 'возможность изготовить продукт легко и в большом количестве при наличии навыка'.

На периферии находятся проекции исходной гештальт-структуры «блин» в область сферы «Животное»; проекции гештальт-структуры «блин» в область ядерных сфер, но на основании неактуальных признаков (температура, текстура); проекции фреймов исходного сценария «приготовление блинов» в область «Абстрактные категории»; а также различные проекции исходного сценария «употребление блинов». Периферия представлена вариативными дискурсивными реализациями нетипичных индивидуально-авторских образных выражений или малочастотными употреблением общеязыковых образных средств.

Аксиологический (прагматический) потенциал рассматриваемой образной парадигмы направлен, прежде всего, на сенсорную достоверность и пластическую выразительность при характеристике объекта или ситуации, находящейся в фокусе образной референции. Общая оценка (хорошо-плохо) и эмоциональная оценка (одобрение, неодобрение, осуждение и т. п.), как правило, коммуникативно обусловлены, а экспрессивный потенциал (усиленное выражение личностного эмоционально-оценочного отношения к называемому) невысок.

Результаты семасиологического и когнитивно-дискурсивного анализа мотивационно-образных парадигм имеют большое значение для лексикографирования образных средств языка. Проиллюстрируем возможности применения разработанной исследовательской методологии в практике создания «Словаря русской кулинарной метафоры», представив фрагмент словарной статьи, описывающей образное сравнение:

БЛИН. В сравн. **Как блин / блин с маслом / масляный блин / масленичный блин.**

1. О лице человека, напоминающем блин по форме и цвету:

1) круглом и румяном – *Он был толстенький, кругленький, и лицо у него было румяное и кругленькое, как блин (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе);*

2) круглом и плоском – *Внимательность при разговоре и умение слушать как-то не вязались у меня с образом первого секретаря и его круглой, плоской, как блин, с маленькими глазками, не очень-то выразительной физиономией (В. Некрасов);*

3) с блестящей, лоснящейся кожей – *Личико, умильно улыбающееся, кругленькое, лоснящееся, как блин с маслом, белёсенькие брови, малиновенькая лысинка, отороченная по бокам тем же пушком (Е. Евтушенко. Волчий паспорт), Его румяный лоб был влажен от пота и блестел, как блин (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок);*

4) с пористой кожей – *Эх, я же ведь тоже хромой, что ж меня под ручку никто не водит! – запримчал смеха ради круглолицый, как блин, и с пористым, как блин, лицом парень, хромая с ними рядом (Ф. Кнорре. Орехов);*

5) бледном и невыразительном, с плохо различимыми чертами – *Но лицо без грима на экране всегда выглядит плоским, как блин, и серым, как пасмурный день (М. Перова. Мишель Берк, королева ужаса);*

6) довольном, выражающем радость – *Лицо Б. Е. Троша расплылось, как масленичный блин, и все мы принялись неудержимо (в прямом смысле этого*

слова) *хохотать* (Е. Попов. *Подлинная история «Зеленых музыкантов»*).

Литература

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб., 1993. – 240 с.
2. Банкова, Т. Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке / Т. Б. Банкова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 4.
3. Блинова, О. И. Образное слово в толковом словаре / О. И. Блинова // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка: тез. докл. – Л., 1990. – С. 115 – 117.
4. Капелюшник, Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры / Е. В. Капелюшник // Вестник Томского государственного университета. – 2011 – № 345. – С. 11 – 14.
5. Капелюшник, Е. В. Отражение динамической модели приготовления и поглощения пищи в семантике образных средств русского языка / Е. В. Капелюшник // Язык и культура. – 2011. – № 1(13).
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387 – 415.
7. Мишанкина, Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина. – Томск: ТГУ, 2010. – 282 с.
8. Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26 – 43.
9. Русский национальный корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)
10. Топоров, В. Н. Еда / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 1. – С. 427 – 429.
11. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УГПУ, 2005. – 257 с.
12. Юрина, Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск: УГПУ, 2005. – 158 с.
13. Юрина, Е. А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках / Е. А. Юрина // Язык и культура. – 2008. – № 3. – С. 83 – 93.
14. Юрина, Е. А. Словарь русской кулинарной метафоры: принципы отбора материала и структура словарной статьи / Е. А. Юрина // Вестник ТГУ. Серия: Филология. – 2011. – № 3(15).
15. Юрина, Е. А. Мотивационно-образные парадигмы в общезыковой образной системе (на материале образного поля «еда») / Е. А. Юрина // Русская речевая культура и текст: материалы VII Международной научной конференции (16 – 18 мая 2012 г.). – Томск: ЦНТИ, 2012.

Информация об авторе:

Юрина Елена Андреевна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры русского языка как иностранного Института международного образования и языковой коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8-913-822-11-92, yourina2007@yandex.ru.

Yurina Elena Andreevna – Doctor of Philology, Associate Professor; Professor at the Russian Language Department of Tomsk State University; Professor at the Department of Russian as a Foreign Language of the Institute for International Education and Language Communication of Tomsk Polytechnic University.